

Юлия БОДНАРЮК*г. Мурманск*

Ленинград... Декабрь 1937-го... Трамвай привычно позвякивал по рельсам, расчерчивая замерзший город кругами. Стекло превратилось в сплошной лёд, его уже непросто было растопить дыханием, чтобы понять, где проезжаешь. И вообще, тот ли это город и тот ли день?.. Мозаичные оранжевые отблески, пробившиеся сквозь оконную льдину, падали Даше на колени, на сложенные руки в белых варежках. Крупная капля, упавшая вдруг на рукав, тоже отблескивала уличным вечерним светом. Даша снова поехала и, пряча лицо от любопытных глаз попутчиков, прижалась лбом к колючему стеклу, чтобы никто не видел, как она плачет. Последние три дня она совсем не могла взять себя в руки. Слезы постоянно лились сами по себе — непрерывным потоком, без всхлипов, без истерик. На службе в одной из ленинградских контор приходилось низко склоняться над печатной машинкой, в магазине — прятать взгляд в витринах, на улице — кутать лицо в бобриковый мех воротника пальто. Ничего непоправимого еще не случилось, но страшное предчувствие уже поселилось в душе. Впрочем, сегодня она явственно поняла, что это неминуемое произойдет.

Отца, военинженера, арестовали ночью третьего дня. Это было стремительно, бесцеремонно и даже как-то буднично. Безразличного лейтенанта ничего не смущало — ни то, что отец старше его, ни испуганная, зареванная Даша. У кого-то жизнь надламывается, а для этого флегматичного лейтенанта полуночное вторжение — совершенно обычное дело. Когда отца увели, Даша не закрыла двери. Опустошенная, дрожащая от страха перед неизвестностью и холода, она опустилась на порог в одном халатике и просидела так несколько часов.

Размеренный ход трамвая немного успокоил Дашу. Она вновь пыталась справиться с мыслями, чтобы окончательно решить, что делать. Конечно, она много слышала об арестах. Да что слышала!.. Она случайно видела, как пришли за одиноко жившим майором с печальным лицом — он занимал квартиру этажом выше. Той ночью Даше не спалось, услышав, что за отцом шелкнула входная дверь, она вышла следом в переднюю. Отец безмолвно застыл в тусклом свете парадного. Мимо него люди в штатском провели наспех одетого майора с маленьким чемоданчиком, а два дня спустя квартиру соседа уже заняли другие жильцы... Ещё женщина из конторы, где ра-

ботала Даша... Она тоже пропала внезапно, говорили — следом за мужем... Даша копалась в памяти, припоминая, что еще слышала об этих ночных арестах, но в глубине души отказывалась верить, что настала та ночь, когда пришли и за ее отцом. Этого просто не может быть! Ведь ничто не предвещало беды! В тот вечер все было как обычно: домой он вернулся веселым, поужинали, прочли письмо от мамы...

Вспомнив про письмо, Даша сунула руку в глубокий карман пальто и нащупала три пухлых надорванных конверта. Она нашла их утром, письма были спрятаны в щель между столом и бюро. Слезы снова подступили к горлу — папа прятал конверты в тот момент, когда раздался звонок в дверь, он не хотел, чтобы чужие глаза читали мамины письма, — они не должны узнать, где она.

А мама отдыхала в санатории в Минводах — в последние месяцы она жаловалась на желудок, через неделю должна была вернуться домой. На следующий же день после ареста отца, паникуя, Даша спешно отправила маме письмо с просьбой задержаться на курорте. Но потом пожалела. О чём она думала! Маме нужно было скорее вернуться, ведь сама она толком не знала, как помочь отцу. Даша металась: то ей казалось, что маме безопаснее оставаться в Минводах, то пыривалась срочно вызвать ее в Ленинград, то жалела, что послала письмо, а не телеграмму. Когда в конторе был обеденный перерыв, в порыве она всё же сбегала на телеграф, отправила еще и телеграмму. Теперь она жалела о телеграмме тоже.

Всё. Какой-то неведомый прежде инстинкт блокировал на входе мысли, маскировал, изгонял из головы те детали, обдумать которые было сейчас жизненно важно.

Трамвай заскрежетал, вагон трянуло. Даша тоже вздрогнула и вновь попыталась упорядочить последние события в голове.

Итак, на следующий день после ареста, едва Даша переступила порог квартиры, вернувшись со службы, раздался телефонный звонок. Она взяла трубку. Отбой. Тот звонок был ещё и первым за весь день, как будто весть об аресте сама, без проводников, разлетелась и легла проклятием на их квартиру — чуть ли не впервые за годы телефон молчал. Даша проглотила ком в горле — снова вспомнилась та ночь без сна с жёлтыми тенями на потолке, когда даже пригревшийся у неё под боком кот не спал, то и дело он поднимал голову

и недоуменно смотрел на хозяйку. На следующее утро, когда Даша пыталась проглотить завтрак, телефон снова зазвонил, а сегодня ей позвонили в третий раз. На этот раз на работу. Общий телефон стоит на первом этаже, и вахтёрша поднималась, звала Дашу. Они вместе спустились вниз, но лишь только Даша произнесла «алло!», на том конце извинились и повесили трубку.

Трамвай лязгнул, готовясь выпустить в декабрьский вечер спешащих по домам пассажиров. Даша кинула взгляд в сторону входа, но тут же снова отвернулась к окну, пряча заплаканные глаза. От её слёз, дыхания и прикосновений разгорячённой щеки на стекле вытаял овальный глазок. Мимо проплывали окоченевшие от двадцатиградусного мороза ленинградские улицы. Над проспектом тяжёлой белой сеткой нависали обросшие густым инеем провода. По утоптанном до блеска тротуарам спешили прохожие, а над ними громоздились колонны и балюстрады, портики, балконы и окна, окна... Какими тусклыми казались они по сравнению с искрящимся снегом! Высокие белёные потолки с лепниной и бледные обои освещали матовые, на три рожка, люстры, а кое-где — и голые лампочки на проводах. Но этот тусклый сиротливый свет был бессилён, чтобы зажечь уютом высокие окна ленинградских квартир, в которые уже ломилась с улицы зимняя ночная чернота. Даша подумала, что ей тоже сейчас предстоит вернуться в свою опустевшую квартиру, снять пальто и окрасить таким же бессильным светом ещё три окна в этом городе.

И тут она спохватилась... Как домой? Домой нельзя.

Нельзя.

Это слово то и дело проскакивало в трамвайном многоголосом шуме, светилось на вывесках и множилось в стёклах домов. Просто нельзя, и всё. Даша сжалась в комок, сердце ухало от волнения. Что-то ей подсказывало: если пойти домой — потом уже ничего не исправишь.

До какого-то момента человек не придает значения эпизодам, не стыкующимся с собранной мозаикой своих представлений. Они кажутся лишними, их бы выбросить из памяти, но они уже свершились и гибельным грузом повисают на хрупкой конструкции жизни, которую человек уже успел выстроить, так ненадёжно уравнов-

весив. Нравится это или нет, но надо строить по-новому, пока ею же не убило.

Даша снова запаниковала. Скомканные мысли в лихорадочной спешке сменяли одна другую. Нельзя... Оставаться в Ленинграде тоже нельзя... Надо уехать, и лучше сразу... Не дожидаясь утра. Это возможно. Сегодня она получила жалование. Его должно хватить на билет и на первое время. Паспорт и комсомольский билет тоже с собой.

Куда ехать?.. В Москву к дяде? Нет, там найдут в два счёта. К бабушке и тёте в маленький посёлок под Ярославлем. Точно! Они перебрались туда недавно, и её никто не станет там искать!

«Мама!» — вспомнила вдруг Даша. Мама должна вернуться в Ленинград в их квартиру, у неё путёвка, в санатории не остаться ни одного лишнего дня. «Зря всё же письмо отправила», — вновь укоряла себя Даша. Сама она, получив такое письмо, мигом бы рванула домой. Нет. Надо ехать к маме. Опередить почту. Рассказать всё. И тогда вместе решать, как вытащить отца и спастись самим.

Даша немного успокоилась, соображая, как теперь лучше поступить. Стоит ли вообще сейчас ехать домой? Вещи, тряпки, конечно, жалко, но они уж точно не дороже их с мамой свободы. И куда потом со всем скарбом?.. Только... ведь дома остался кот! Она совсем забыла про кота.

Трамвай коротко звякнул, вагоны дернулись вперёд и замерли. В последние мгновения спохватившись, что это её остановка, Даша протиснулась между пассажирами и еле успела спрыгнуть с подножки. Трамвай прощально громыхнул и укатил в темноту, а девушка осталась посреди пустынной улицы одна.

Даша вообще теперь одна. Мама далеко. А папа... Он бесконечно далеко. Стоило вспомнить о нем, как у Даши сдавливало сердце и становилось тяжело дышать. Близко только рыжий Брыся, который ждёт её в пустой квартире.

Замерзшая Даша побрела к дому. От трамвайной остановки это было недалеко — в переулок, третья от угла арка во двор. К вечеру мороз окреп, и ей хотелось поскорее оказаться в тепле. Но чем ближе она подходила к дому, тем чаще в мозгу всплывало посетившее её в трамвае предчувствие. Нельзя... Нельзя... Нельзя... Эта мысль настойчиво выныривала из потока мыслей и замедляла Дашины шаги, она выскальзывала из тисков сотни разумных

доводов, которыми Даша пыталась её приструнить.

«Я ничего не буду делать. Не стану задерживаться, ничего не возьму... Только Брысю», — уговаривала себя Даша, и то, насколько всерьез сражалась она со своими предположениями, казалось ей признаком умопомешательства. «Вероятность, что за мной... что со мной что-нибудь случится в эти пять минут, ничтожна. Считай, её вообще нет!» — внушала своему страху девушка.

Вот и арка. Даша свернула во двор... Первый проходной. В арке было темно, дальше на ограниченном стенами квадрате слепил свет фонаря, от которого девушка скрылась в следующей подворотне. Тут земля неожиданно выбилась из-под ног. Даша ойкнула, взмахнула руками, но удержать равновесие не смогла и упала на укатанный снег. Открыв глаза, она увидела ледок, выпивший в колее, оставленной автомобилем.

Девушка поднялась на ноги, ощутив, что наступать на левую больно, и сморщилась от досады. Чёртова машина. Ладно, долго страдать нет времени.

Откуда взялась машина?

Автомобиля не было ни у кого во дворе. Да и быть не могло — люди здесь простые, питерские работяги, так же трудно было представить, чтобы кто-то из них вызвал такси. Только в её парадном жили военные, но не того ранга, чтобы за ними присылали машину. Но, с другой стороны, разве это так уж невероятно?..

Тем не менее Даша наклонилась и присмотрелась к следам на снегу. Они обрывались здесь же — автомобиль остановился в арке, а после сдал назад. Странно.

Даша сделала три шага назад, в темноту, где образовалось убежище от света всех дворовых фонарей. Разум всё ещё собирал на ниточку какие-то увещевания, но Даша уже не слушала его, потому что всё её существо, надрываясь, кричало, что надо бежать, бежать куда глаза глядят.

И Даша побежала.

Вернее, она пошла обратно — быстрым шагом, не оглядываясь и, по меньшей мере, несколько десятков секунд ни о чём не думая. Но снова оказавшись на улице, остановилась. Вспомнила: она ведь шла за котом.

Нет, кота надо оставить дома! Куда она с ним? В Минеральные Воды? В поезд, куда самой дай бог сесть?.. Надо попросить соседей забрать его.

Передать как-нибудь ключ. Позвонить из автомата, встретиться на улице, упросить...

Нет, ничего не получится. Даша по инерции сделала несколько шагов и остановилась под чьими-то тёмными окнами без штор. С того утра после папиного ареста соседи из квартиры напротив не проронили с нею ни слова. Они встречали её взгляд грустными глазами, едва кивали вместо приветствия, и только. И каждый раз при встрече с ними Даша читала в их глазах: «Жаль, очень жаль, но что поделаешь? У нас ведь и своя жизнь...» Соседка из другой квартиры на площадке терпеть её не может, вечно что-то шипит себе под нос, видимо, считая само Дашино существование на свете вопиющим неприличием. Кто ещё?.. Те, кто перестал её замечать или кто не замечал и прежде? Кто встанет под удар и пойдёт в квартиру, которую вот-вот опечатают, чтобы забрать чужого кота?

Даша обернулась и посмотрела в окно на уровне глаз. В комнату на первом этаже пробивался яркий бесцеремонный свет фонаря, и сквозь мутное стекло девушка различала даже мебель. В этот момент она устыдилась того, что подглядывает в чью-то квартиру, но в то же мгновение показалось, что оттуда, из тёмнеющего дверного проёма, за ней наблюдает встречный внимательный взгляд.

Как будто поднырнув, Даша резко наклонилась, метнулась в арку, укрылась в чужом парадном.

«Я схожу с ума, — она медленно поднималась по ступенькам, придерживаясь перил. — Пока ничего не произошло, и скоро это будет уже без надобности. Я сама закрываю себя там, откуда не выбраться... Я схожу с ума... Я ищу подтверждение своему психозу в тёмных окнах и следах на снегу и нахожу всё, что сама пожелаю».

На следующей площадке перегорела лампа, но туда пробивался снежно-голубоватый холодный свет. «Может, это, конечно, и психоз. Но только, если это правда, за недоверие к себе самой придётся слишком дорого заплатить», — мысленно спорила сама с собой Даша.

Сверху послышался скрип медленно открывающейся двери. Даша замерла, вцепившись в перила так, что свело пальцы. Звук утих. «Ну! Ты же комсомолка, ты офицерская дочь!» — мысленно бодрилась девушка. А что если её ждут именно здесь? Это озарение вонзилось

под рёбра холодным металлом, на мгновение Даша застыла на месте, но взяла себя в руки и продолжила подниматься наверх.

Глупая она. Если б нужна была кому, попала бы давно. Может быть, уже попалась... Даша дошла до верхней площадки лестницы. Что она значит для них? Да ничего. Девятнадцатилетняя машинистка, одна из миллионов. Значит, можно вот так, как многие, однажды ночью сгинуть — никто не заметит, а можно затеряться, и зависеть всё будет только от того, кто первым сделает выпад. И даже если никто не подкарауливает её сегодня, она права, вынуждая себя быть чрезмерно осторожной. Только надо забрать кота.

Вспомнив про кота, Даша развернулась и быстро пошла вниз. Мысленно она подсчитала время для того, чтобы пересечь двор, взбежать на свой этаж, открыть дверь, найти и схватить Брысю, спуститься вниз и выбраться из дворов на улицу. На всё про всё выходило около трёх минут. Но чем больше Даша приближалась к своей цели, тем удивительнее казалась способность трёх минут растягиваться до бесконечности или сжиматься в секунды, смотря на чьей стороне было время. Вот она, низкая квадратная арка, за которой, как освещённая софитами декорация из тёмного театра, нарисовался со всеми своими углами и нишами её двор. Фонарный свет падал в тоннель подворотни, где сталкивался с темнотой. Та самая демаркационная линия, которую Даша, повинувшись инстинкту самосохранения, не спешила переступить.

Почти во всех окнах в её доме горел свет. Только её три амальгамой отражали противоположную стену. Интересно, что сейчас делает Брыся? Спит на диване в папином кабинете или слоняется по подоконнику в кухне? А может, сидит прямо на окне и Даша его не видит? Она вгляделась, и ей показалось, что за стеклом вспыхнул и сразу погас огонёк.

Даша отскочила и прижалась к стене. Лавина панического страха накрыла её с головой, тело прошла дрожь. Что-то произошло с памятью или со зрением — теперь она не могла вспомнить, видела ли она огонёк спички в своей квартире или всё-таки в соседнем окне, окне лестничной площадки. В любом случае, на лестнице в их доме никто не курит.

Человек, смотревший из окон её дома, если

он, конечно, там был, не мог её видеть. Она слилась с тенью и боялась пошевелиться. Крепкий мороз теперь проник в каждую клетку тела. Дашу терзал озноб, леденели уши и щёки. Она машинально растёрла их варежками.

«Надо бросить кота. Нельзя рисковать. Надо предупредить маму. Да, надо оставить кота...»

Когда Даша мысленно произнесла последнюю фразу, внутри растеклось жгучее отвращение к себе. И тут же она вспомнила и даже будто почувствовала в своих руках Брысю — большого, тяжёлого, пушистого. Сидя у неё на руках, кот внимательно смотрел на Дашу своими зелёными глазами, будто ожидая чего-то от своей хозяйки. А может, он уже тогда боялся, что она однажды предаст его.

«Если у меня просто мания преследования... Кажется, это так называется... Если следы машины — обычное дело, а огонёк в окне мне просто померещился, мой Брыся умрёт от голода».

Плечи и голова Даши так и клонились к ледяной каменной стене, её тянуло к земле, к опоре. Но, маскируясь в зимней тени, держась за стену, Даша сделала ещё несколько шагов вперёд. Она вглядывалась в свои окна. Что она хотела там увидеть: подтверждение или опровержение своим мыслям? Ей показалось, что из окна во двор смотрит кот. От волнения Даше стало тяжело дышать и возникло головокружение.

«Может, кто-нибудь догадается, вспомнит, выпустит... Может быть, они, если они в квартире... Зверь же... Не звери же они... Он выживет, если только выберется из дома, — летели, сменяя друг друга, мысли, и только одна никуда не торопилась: — А если нет?»

«Я сейчас придумаю, как тебе помочь, котик!» — Даша выбралась из дворов на улицу и дошла до книжного магазина на углу. Надо было спокойно всё обдумать и принять решение.

Вечером в магазине всегда было много народу. Люди в толстых тяжёлых пальто и телогрейках стояли у прилавка, листая книги, перебалтываясь с продавщицей, школьники толкались у витрины с марками. Даша встала в уголок, за створку двери, уткнулась в стеллаж с книгами. Кто-то из ребятишек рядом громко заверещал, и продавщица пригрозила вывести его из магазина.

«Исследуем возможные маневры, — Даша старалась думать холодно и отвлечённо, подражая отцу, который любит повторять, что если

не мыслить трезво, то лучше вообще не мыслить. — Если мне не мерещится, если меня на самом деле ждуг, то выходить во двор рискованно, в парадное вообще опасно. Чёрный ход наглухо заколочен. Остаётся окно. Второй этаж — кот может спрыгнуть... Но только как открыть окно и как его выманить?..»

Дверь за спиной Даши вдруг вздрогнула, зазвенело разбитое стекло. Возмущённые оклики, возня, срывающийся вопль: «Тётя, я не хотел!» Девушка обернулась, когда продавщица, изловчившись, схватила за воротник шумного мальчугана и грозила вызвать милицию. Он болтался тряпкой, а потом, улучив момент, вывернулся из рук продавщицы и дёрнул к дверям. Даша быстро вышла за ним на улицу.

— Эй, постой! — она окликнула мальчишку, который был уже достаточно далеко. Он обернулся, потряс головой и прибавил шагу.

— Я видела, что ты не специально! — крикнула Даша вслед.

— А я специально, тётя! — он развернулся на каблучках и ослабил. Из-под низко надвинутой ушанки хитро блеснули хулиганистые глаза.

— А вот я живу в доме, где стёкла не бьются, — выпалила Даша, одновременно удивляясь тому, какую чепуху она способна нести. — И вообще, какая я тебе тётя!

— Врёшь! — заинтересовался паренёк.

— Не вру. В этом доме живут военные, и стёкла там особые, их даже из пистолета не пробить.

— А из снайперской винтовки? — любопытствуя, мальчишка подошёл ближе.

— Не из чего, — твердо заверила Даша. — Я же говорю: специальные стёкла из металлической пыли. Они секретные, если хочешь знать.

— А где этот дом?

Даша назвала адрес.

— А спорим, я разобью? — паренёк вытащил из кармана рогатку.

— Спорим! — Даша ликовала, понимая, что ее маневр удался.

Возле дома Даши, к счастью, по-прежнему никого не было. Она заглянула в лицо новому знакомому и строго предупредила:

— Только чур считаться будет, если стекло разобьётся, а если просто попадёшь — не в счёт!

— Тогда такой, — мальчишка притащил невесть откуда взявшийся зимой увесистый булыжник.

Даша прикинула, где может находиться кот, и показала пареньку на своё окно:

— Видишь на втором этаже три тёмных окна? По среднему, — и, заметив искру недоверия в глазах паренька, добавила, — что смотришь так? Это мои окна. К тому же ты его не разобьёшь!

— Давай смотри!

Стекло осыпалось вниз, как сверкающий дождь. В окнах замелькали лица, мальчишку как ветром сдуло. Впрочем, Даша этого не видела — она уже выскочила со двора на улицу. С холодным, как эта декабрьская ночь, спокойствием, выждав где-то полтора часа, девушка пошла обратно. Она сняла с головы меховую шапочку и спрятала её в сумку, меховой воротник пальто подняла и поверх воротника низко повязала голову платком, заменявшим ей шарф. Глянув в зеркальце и убедившись в том, что выглядит изрядной кулемой, никак не похожей на молодую девушку, Даша решительно направилась к дому.

Огонёк папиросы действительно маячил в окне лестничной клетки, теперь уже Даша не могла ошибиться. Не отвлекаясь на раздумья о том, кому он принадлежит, Даша пристально следила за оранжевой точкой. Вот она погасла. Как долго теперь придётся ждать?

Недолго! Вспыхнула спичка, и девушка метнулась через двор и прижалась к стене своего дома.

Если курильщик на лестнице действительно наклонился с папиросой в зубах к огню, то теперь уже не мог её увидеть из парадного.

Даша долго не могла заставить себя подать голос. Она повторяла «Брыся, кис-кис... Брыся, иди ко мне!», но из горла не вырывалось ни звука.

«Возьми себя в руки. Осталось чуть-чуть — последнее. Дальше можно будет дать волю страху и бежать».

— Брыся, — тихонько позвала Даша. — Брыся, иди ко мне!

Она запрокинула голову. Разбитое окно испускало в чёрный кривой четырёхугольник неба едва заметный белесый пар. Через несколько минут над карнизом показалась круглая мохнатая мордочка.

— Иди ко мне, — позвала Даша, с ужасом представляя, сколько времени уйдёт на уговоры.

Но кот, будто того и ждал, тут же прыгнул в снег.

Брыся за пазухой сидел тихо, только изредка пытаясь просунуть любопытную морду между пуговицами. От него шло ровное тепло. «Теперь главное — билеты!» — чувствуя тяжесть кота на руке, которой она придерживала его под пальто, Даша спешила к вокзалу.

□

Юлия Александровна БОДНАРЮК

родилась в городе Кола.

Окончила Мурманский государственный технический университет по специальности «связи с общественностью».

Литературный дебют состоялся в 2014 году в журнале «Аврора».

Также публиковалась в альманахе «Площадь Первоучителей» и сборниках произведений

лауреатов литературных конкурсов Мурманской области.

В 2015 году вышла в свет ее первая книга «Перебежчик» (роман).

Трижды входила в лонг-лист независимой литературной премии «Дебют».

Дважды лауреат фестиваля молодых литераторов «Знаки».

Лауреат конкурса «Северная звезда-2014».

Живет в Мурманске.

В журнале «Север» публикуется впервые.

